

Исаева К.А., Келдибекова А.Б.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНДА УЮШУЛГАН
КЫЛМЫШТУУЛУК МЕНЕН БОЛГОН КҮРӨШҮҮНҮН УКУКТУК
ЖӨНГӨ САЛУУ МАСЕЛЕСИ ТУУРАЛУУ**

Исаева К.А., Келдибекова А.Б.

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ
ПРЕСТУПНОСТЬЮ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

К.А. Isaeva, A.B. Keldibekova

**TO THE ISSUE ABOUT LEGAL REGULATION OF COMBATING ORGANIZED
CRIMINALITY IN THE KYRGYZ REPUBLIC**

УДК: 343.237

Макалада Кыргызстанда азыркы күнү уюшулган кылмыштуулук менен болгон күрөшүүнүн укуктук жөнгө салуу маселелеринин айрым көйгөйлөрү каралган. Авторлор, окумуштуу-юристардын ар кандай көз караштарын талдоо менен бирге, мыйзамдарда болгон кемчиликтерге токтолуп, кылмыштуу топту уюштурган адамды кылмыш жоопкерчилике тартуудагы уюштуруу-процессуалдык көйгөйлөргө көңүл бурган. Авторлордун ою боюнча бул маселелер өзүнүн теоретикалык жана практикалык чечилүүсүн талап кылат.

Негизги сөздөр: уюшулган кылмыштуулук, кылмыш-жаза мыйзамы, каршылык көрсөтүү, укук колдонуу практикасы, кылмыштуу жоосун, уюштуруучу.

В статье поднимаются отдельные проблемы, касающиеся вопросов правового регулирования в сфере противодействия организованной преступности в Кыргызской Республике. Автор посредством проведения анализа точек зрения ученых-юристов акцентируют внимание на несовершенство уголовного законодательства и на имеющиеся организационно-процессуальные проблемы возникающие при привлечении организаторов преступных групп к уголовной ответственности, что по мнению авторов, требует своего теоретического и практического решения.

Ключевые слова: организованная преступность, уголовное законодательство, противодействие, правоприменительная практика, преступная деятельность, организатор.

This article is about particular problems, which is about legal regulations in the sphere of combating to the organized criminality in the Kyrgyz Republic. By means of analyzing and points of view of legal scholars, an author of this article emphasizes own attention on imperfection of criminal legislations and on the existing organizational and procedural problems arising when the organizers of criminal groups are brought to criminal responsibility, which, according to the authors, requires their theoretical and practical solution.

Key word: organized criminality, criminal legislation, combating, law enforcement practice, criminal activity, an organizer.

А.Б. Чокобаева права, когда пишет, что «...социально-экономические и политические преобразования в целом обусловили не только положительные социальные перемены в виде демократических преобразований, расширения прав и свобод человека, развития рыночных отношений, но и появле-

ния сопутствующих негативных изменений. Безусловно, современные преобразования во всех сферах жизнедеятельности государства существенно влияют и на структурные модификации преступности» [1, с.3].

Безусловно, процесс демократизации в общества в условиях политической нестабильности привел к отставанию правового регулирования перехода к рынку, к бессистемности и противоречивости принимаемых законодательных и нормативных актов, отсутствию в них сбалансированности прав и обязанностей участников общественных отношений, что повлекло за собой снижение уровня организации борьбы в различных сферах преступности, в том числе и ее организационных формах.

Является справедливым, что «...правительства стран СНГ, старались минимизировать негативные последствия проводимых и планируемых правовых реформ, для чего внимательно изучались нюансы структуры права уже устоявшихся государств и были предприняты попытки имплементации ряда положений из зарубежного законодательства. Но вместе с тем, провести кардинальную реформу, которая бы освобождала от репрессивного порядка применения, противодействовала бы коррупционным проявлениям, установила бы контроль над преступностью и при этом обеспечивала бы реальное соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в полной мере, ни в одной из государств-участников СНГ, на наш взгляд не получилось» [2, с. 130-131].

Не случайно, рабочая группа в справке обосновании к проекту Закона Кыргызской Республики «О противодействии организованной преступности», отмечают, что «... законодательство в борьбе с терроризмом, экстремизмом, коррупцией не может быть эффективным без должной правовой базы, борьбы с организованными преступными формированиями и их системой» [3].

«... Особенно это становится актуальным, когда о значительной общественной опасности ряда преступлений в настоящее время свидетельствует увеличение числа посягательств совершаемых организованными формированиями, а также тенденция к объединению различных преступных групп. Однако

тревожит не только рост особо опасных посягательств, но и то, что при этом преступления, совершаемые ОПГ, все больше приобретают высокоорганизованный характер. Наряду с этим как свидетельствует анализ изученных уголовных дел, правоохранительным органам приходится сталкиваться с хорошо законспирированными группами, а также с такими факторами как консолидация преступников, их вооруженность, проявления насилия и особая жестокость по отношению к жертве» [4, с. 243].

В унисон вышеизложенному, совершенно верно указывается и М.Т. Жолдошалиевым, что «... появляются все новые и ранее неизвестные нашему обществу социальные пороки, связанные с проводимыми реформами в различных областях. Постоянно один политический кризис сменяется другим и каждая так называемая «революция» отбрасывает уровень жизни на десятки лет назад. Укрепляет свои позиции социальная деформация. На общем уровне все это приводит к социальной напряженности, в состоянии которой приходится жить кыргызскому народу, а на индивидуальном - к нервно-психическим нагрузкам. Все указанные факторы связаны с насильственным лишением жизни человека, которое растет из года в год» [5, с. 78].

Поэтому одним из центральных блоков проведенного нами социологического исследования являлось состояние правового регулирования борьбы с организованной преступностью.

42% сотрудников ОВД Кыргызской Республики считают, что законодательная база республики лишь частично соответствует задачам действенной борьбы с организованной преступностью в сфере экономики, а 28% оценивают ее в целом отрицательно. Среди обеих указанных категорий участников опроса, ответы на вопрос о причинах частичного или полного несоответствия правового регулирования борьбы с организованной преступностью разделились следующим образом: 26% – отсутствуют соответствующие законы, 36% – принятые законы отстают от современных реалий, 38% – отсутствуют эффективные механизмы действия принятых законов.

Является логичным, что Н.Э. Абдукаримова говоря о несовершенстве законодательства в сфере незаконного оборота наркотических средств, акцентирует внимание на получение его показателей на основе проведенного исследования, а именно «... как показал опрос, респондентов 44,6%; считают, что действующее законодательство затрудняет борьбу с наркотизмом в целом, в связи, с чем по их мнению и нуждается в изменениях. При этом, на вопрос: Какие меры на Ваш взгляд необходимы, для борьбы с наркопреступностью? ответили следующим образом: 9% респондентов ответили путем создания эффективного законодательства; 36% считают необходимым совершенствование имеющегося законодательства; 26% – за ужесточение законодательства; 11% – предупреждение наркотизма мерами административного и уголовно – правового характера; и 18% респондентов считают, что необходимо ужесточить

законодательство и принять меры административного и уголовно – правового характера в целях предупреждения наркотизма». Безусловно, недоработки уголовного законодательства оставляют возможность участникам процесса использовать данные проблемы в пользу тех или иных лиц занимающихся наркоторговлей» [7, с. 94].

В условиях динамичного роста организованной преступности в сфере экономики, нельзя допускать недооценки проблемы совершенствования законодательства. Результаты анкетирования показывают, что сред сотрудников в целом, общепризнанным является мнение о необходимости всестороннего анализа содержания имеющегося законодательства, в целях его дальнейшего совершенствования и принятия новых законов, которых будут отвечать реалиям сегодняшнего времени.

Изучение правоприменительной практики показывает, что несовершенство действующего уголовного законодательства по-прежнему остается одной из основных причин низкой результативности деятельности правоохранительных органов и суда по привлечению к уголовной ответственности и наказанию организаторов преступной деятельности. Несмотря на введение специальной нормы, устанавливающей ответственность за сам факт создания преступного сообщества (преступной организации) или руководство им, она практически остается неострахованной.

Осложняет ситуацию и приобретение организованной преступностью и транснационального характера. На чем акцентирует внимание члены рабочей группы, занимающиеся подготовкой вышеуказанного проекта Закона Кыргызстана.

Так, ими констатируется, что «нынешнее формирование организованного характера многофункциональны и могут действовать в масштабе не только республики или регионов, но и обретать форму транснациональной организованной преступности (связанные с наркобизнесом, экстремизмом, коррупцией, контрабандой, торговлей людьми, оружием и сфере информационных технологий)» с широко разветвленными, законспирированными преступными связями.

О поднимаемой нами проблеме свидетельствуют диссертационная работа С.Ж. Смоилова, который пишет, что «... ..вымогатели «новой волны» используют в своей преступной деятельности «нетрадиционные формы», где порой четко не определены до настоящего времени и их уголовно-правовые параметры, а также изощренные способы получения материальных средств, причем нередко они носят «узаконенный» характер, что затрудняет изобличение преступников с целью привлечения их к уголовной ответственности. Но опасность состоит и в том, что ему принадлежит в большей степени цементирующая роль в структуре организованной преступной деятельности, в целом. Как правило, вымогательство предшествует другим видам криминальной деятельности, в ходе, которого совершенствуется

профессионализм за счет формирования кадров и создается почва для дальнейшего распространения на другие сферы» [8, с. 4].

Низкая эффективность уголовно-правовых средств борьбы с организаторами преступной деятельности способствует укреплению их личного авторитета, приобретению харизматических черт, что оказывает большое влияние на формирование и укрепление преступных целей рядовых участников организованных групп или преступных сообществ и других, не вовлеченных в преступную деятельность лиц. Так, специально проведенный социологический опрос показал, что по мнению подавляющего большинства граждан именно организаторы преступной деятельности в нашей стране относятся к той категории, на которую уголовный закон фактически не распространяется. Такое мнение опрошенных граждан переносится и на отношении к организованной преступной деятельности как достаточно безнаказанному виду деятельности. По мнению 25% респондентов совершение преступлений в составе организованных групп не опасно, так как их участники находятся под защитой влиятельных лиц.

Не случайно, в этой связи, эксперты по значимости несовершенство действующего уголовно-правового законодательства ставят в один ряд с организационными и процессуальными проблемами привлечения к уголовной ответственности лиц, создавших организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководивших ими.

Проведенный сравнительный анализ норм института соучастия, изучение правоприменительной практики позволило систематизировать основные противоречия в принятой законодателем концепции реализации ответственности организаторов преступной деятельности, которые негативным образом сказываются на расследовании преступлений в целом.

1. Определение организатора преступления в части, касающейся создания и руководства организованной группой, противоречит законодательному определению соучастия в преступлении.

В ч.3 ст.30 УК КР закреплено дополненное законодателем, в сравнении с прежним УК, определение организатора преступления, которое помимо указания на организацию и руководство совершением преступления, содержит положение, связанное с созданием или руководством организованной группы. Вместе с тем, участие в организованной группе не является самостоятельным преступлением, совершение преступления в составе организованной группы рассматривается в уголовном законе как обстоятельство, отягчающее наказание, в соответствии с п. 2 ч.1 ст.55 УК КР (наряду с преступлениями, совершенными группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или преступным сообществом), или как квалифицирующий признак в ряде конкретных норм Особенной части УК КР. Поэтому лицо, организующее не преступление, а сами организованные группы, исходя из буквального толкования ч. 1

ст. 30 УК КР, не является соучастником в преступлении.

2. Определение организатора преступления в части, касающейся создания преступного сообщества (преступной организации) или руководства им, противоречит ч.1 ст.231 УК, в которой устанавливается самостоятельная ответственность за выполнение этих функций в преступном сообществе (преступной организации).

Определение организатора преступного сообщества в ч.4 ст.30 УК КР и диспозиция ч.1 ст.231 УК, в которой организатор преступного сообщества представлен как исполнитель преступления, создает коллизию норм Общей и Особенной части УК КР. Трансформация организатора преступного сообщества в исполнителя преступления в ч.1 ст.231 УК КР, разрушает общий характер нормы, предусмотренной ч.4 ст.30 УК, что не согласуется с базисными принципами выделения норм Общей части уголовного закона. В этой связи, «мертворожденными» можно считать также указание на совершение преступления в составе сообщества (преступной организации) как на обстоятельство, отягчающее наказание, в п.2. ч.1 ст.55 УК, т.к. оно не может повторно учитываться при назначении наказания.

3. Выделенные в ч.4 и 5 ст. 31 УК КР признаки организованной группы и преступного сообщества исключают возможность четкого разграничения данных понятий, приводя к серьезным негативным юридическим последствиям, при квалификации действий организаторов и других участников преступной деятельности.

Во-первых, разграничение преступной группы и преступного сообщества (преступной организации) по признакам «устойчивости» и «сплоченности», как ранее отмечалось, практически невозможно, так как эти субъективно-оценочные признаки относительны друг друга и не имеют каких-либо четких критериев. Разница между «устойчивостью» и «сплоченностью» выражается в сравнительно большей организованности, длительности существования, численности преступного формирования и пр.

Во-вторых, цель совершения тяжких и особо тяжких преступлений, которая выделена как признак преступного сообщества, характерна и для организованной группы. В законодательном определении организованной группы указывается цель совершения одного или нескольких преступлений, независимо от степени тяжести. Однако анализ норм Особенной части УК КР показал, что подавляющее число преступлений, в которых прямо указывается на организованную группу, относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений (в более чем в 80% случаях).

В-третьих, нет четких критериев разграничения между организованной группой и объединением организованных групп в преступном сообществе. В чем разница между этими составляющими: в степени самостоятельности, в численности или дифференциации каких-то функций? Ни теория, ни практика

до настоящего времени не дала ответа на данный вопрос.

Вместе с тем, жесткая привязка в уголовном законе организатора преступной деятельности к данным формам соучастия является дестабилизирующим судебно-следственную практику фактором, умножающим ошибки при квалификации действий организаторов и участников преступной деятельности. От того, насколько точно правоприменитель определит, была ли создана организованная группа или преступное сообщество (преступная организация), зависит наступление ответственности или за конкретные преступления (с учетом повышающего степень общественной опасности признака – совершения преступления организованной группой), или за организацию преступного сообщества (преступной организации).

Вместе с тем, разрешение данной проблемы в каждом конкретном случае часто зависит совершенно от других критериев: заинтересованность правоприменителя, индивидуальные особенности его правосознания, степень подготовки, опыта и др.

Изучение судебной практики показало, что в подавляющем большинстве уголовных дел (84%) взаимосвязи соучастников между совершением отдельных преступлений не уделяется должного внимания. Таким образом правоохранительные органы занимаются изучением организованности отдельно взятых преступлений, разбивая их вне связи друг с другом.

Данный вывод подтверждается результатами анкетирования сотрудниками правоохранительных органов и суда. Так, только около 30% опрошенных экспертов уделяют внимание совместной деятельности в целом, выявлению структуры и целевой направленности организованной группы (преступного сообщества), тогда как более 70% нацелены лишь на доказывание деятельности участников организованных групп в отдельных преступлениях (эпизодах).

Такая практика применения уголовного законодательства часто приводит к тому, что действия исполнителя или организатора конкретных посягательств оказывался более общественно опасными, чем деятельность лица, осуществляющего общее руководство преступной деятельностью организованной группы (преступного сообщества), которое имеет опосредованное отношение к конкретным преступным действиям, в том числе в сфере экономики.

4. Закрепленная в законе цель преступного сообщества (преступной организации) – совершение тяжких и особо тяжких преступлений, ограничивает достаточно большой круг преступлений, с которыми часто сопряжена организованная преступная деятельность данных формирований.

Анализ эмпирических данных показывает, что деятельность преступных сообществ (преступных организаций) нередко связана с нарушением авторских прав, незаконным предпринимательством, лжепредпринимательством, угрозой убийством или при-

чинением менее тяжкого вреда здоровью, подкупом участников и организаторов спортивных соревнований и зрелищных конкурсов, коммерческим подкупом, неправомерным доступом к компьютерной информации и пр. Однако, эти преступления не относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений, а значит, исходя из буквального толкования закона, не могут быть целью создания преступного сообщества (преступной организации).

В связи с чем, за рамками ответственности организаторов преступных сообществ (преступных организаций), предусмотренной ч. 1 ст. 231 УК, остаются не менее общественно опасные действия лиц, выполняющих организационные функции в преступной деятельности, не связанной с совершением тяжких и особо тяжких преступлений.

Сравнительный анализ норм института соучастия, изучение правоприменительной практики показывает, что проблемы законодательного определения ответственности за организацию преступной деятельности, прежде всего, связаны с несогласованностью между двумя существующими подходами ее реализации в уголовном законодательстве: первый подход связан с установлением ответственности за сам факт организации или участия в особом рода преступном объединении (банде, преступном сообществе, преступной организации), второй – с определением уголовной ответственности организатора за преступную деятельность организованной им группы.

Так, только 28% респондентов рассматривают ситуацию, складывающуюся в процессе организованной преступной деятельности в сфере экономики, как подконтрольную органам правопорядка. В то же время, как показывает практика, даже тогда, когда имеется осведомленность о деятельности преступников, возможность использования ее в рамках предусмотренных законом мер бывает недостаточной. В связи с этим остается без надлежащей правовой оценки большая часть полученного материала, который может быть проверен в судебном порядке. Ввиду этого одним из направлений создания адекватной правовой базы борьбы с преступностью является также совершенствование уголовно-процессуального законодательства в плане расширения круга возможных видов доказательств.

К примеру, «... позитивной стороной нового УПК Казахстана является включение норм регулирующий данный вопрос, а именно это статья 562 «Допустимость доказательств, полученных на территории иностранного государства», и ст. 575 «Проведение процессуальных действий путем проведения видеосвязи». Но, существует и ряд других проблем, не нашедших в полной мере своего разрешения на данный момент, это касается таких вопросов, как: соответствие процессуального порядка и процедур проведения процессуальных действий отечественному законодательству запрашиваемой стороны, определение ответственности лиц, уклоняющихся от явки для дачи показаний либо отказ от него без ува-

жительных на то причин, за дачу заведомо ложных показаний, за воспрепятствование осуществлению (следственных) процессуальных действий, требуют разрешения вопросы в отношении затрат связанных с проведением процессуальных действий в целом и с помощью видеосвязи в частности» [2, с. 134-134]. Кроме того, А.А. Салиевым в контексте рассматриваемой проблемы, обоснованно отмечается, что «...применительно к преступлениям, совершенных ОПГ, независимо от совершенного преступления дополнительно к обстоятельствам, подлежащим установлению, характеризующим преступление как вид, необходимо при расследовании устанавливать следующие обстоятельства: установление всех лиц, принимающих участие и прикосновенных к совершению преступлений, установление всей преступной деятельности ОПГ; определение характера, качественного и количественного состава, типа и структуры преступной группы, особенности взаимоотношения ее членов, наличие в организованной преступной группе конфликтных отношений, выявление внешних связей ОПГ» [9, с. 71-72].

Можно констатировать, что определенная деятельность по противодействию организованной преступности, мы наблюдаем, о чем свидетельствует обсуждаемый на сегодняшний день проект Закона об организованной преступности (который по соглашению длится не один год), но правовые меры должны рассматриваться в комплексе и с учетом специфических факторов, которые служат ее детерминантами в Кыргызской Республике.

Также, нельзя не акцентировать внимание, что не смотря на расширение границ ответственности организатора в отношении преступлений, совершенных его организованной группой или преступным сообществом, установления самостоятельной ответственности за организацию преступного сообщества, несовершенство действующего законодательства по-прежнему остается одной из основных причин низкой результативности деятельности правоохранительных органов и суда по привлечению к уголовной ответственности и наказанию организаторов прес-

тупной деятельности, что предполагает дальнейшей работы в данном направлении.

Литература:

1. Чокобаева А.Б. Убийства по найму: отдельные уголовно-правовые и криминолого-криминалистические аспекты преступлений: автореферат дис...к.ю.н.: 12.00.08, 12.00.09. - Бишкек, 2013. - С. 29.
2. Isaeva K.A., Seilkhanova S.A., Shimeeva Z.Sh., Oskenbay G. The main factors causing the need for international cooperation to combat criminal phenomena in the CIS countries // В сборнике: Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives 8th International symposium. 2015. - С. 126-135.
3. Противодействие организованной преступной деятельности по совершению терроризма в Кыргызской Республике (проблемы законодательного регулирования) // <https://articlekz.com/article/7465>
4. Isaeva K.A., Abdukarimova N.E., Balymov E., Smoilov S. Prospects of development of institute of investigative actions at the present stage in Kazakhstan and Kyrgyzstan / The Social Sciences (Pakistan). 2015. Т. 10. №3. - С. 243-248.
5. Жолдошалиев М.Т. Динамика убийств: индикатор угрозы в сфере национальной безопасности государства / Таврический научный обозреватель №1(18) январь 2017. - С. 77-82. // <http://tavr.science/stat/2017/01/TNO-18.pdf>
6. Абдукаримова Н.Э. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика наркопреступлений, совершенных организованными преступными группами: автореф. дисс. ... к.ю.н.: 12.00.08, 12.00.09 - Бишкек, 2011. - С. 26.
7. Абдукаримова Н.Э. К вопросу о проблемах противодействия незаконного оборота наркотических средств / Таврический научный обозреватель. 2016. №9 (14). - С. 93-99. // <http://tavr.science/stat/2016/09/28-Abdukarimova.pdf>
8. Смоилов С.Ж. Организованное вымогательство: криминалистические аспекты: автореф.дисс. к.ю.н.: 12.00.09. - Бишкек, 2016. - С. 30.
9. Салиев А.А. Криминалистическая характеристика организованной преступной группы - как основополагающий структурный элемент методики расследования преступлений / Таврический научный обозреватель. 2017. №1(18). С. 70-76. // https://elibrary.ru/download/elibrary_28784374_56611916.pdf

Рецензент: к.ю.н., доцент Камалова Л.Н.